

§ 21. ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ И СЛЫШАНИЕ В СООБЩАЕМОСТИ СООБЩЕСТВА

Для того чтобы оценить всю значимость в познании и существовании человека осмотрительности (действия ока) и слышания (действия уха), необходимо было сменить рационально толкуемую фигуру субъекта познания на тела экзистенциально сообщаемых людей в бытии-друг-с-другом. «Сообщаемость» — категория онтологическая, а не лингвистическая. Она вмещает в себя людей в качестве телесностей, действующих в определенных местностях и совместностях. Сообщаемость невозможна без знаков и языка. Но если мы говорим о знаках или языке, то необходимо их рассматривать вписанными в онтологию человеческого бытия. В современности именно это и сделал М. Хайдеггер, создавая новую онтологию. В «Бытии и времени» он рассмотрел знак (§ 17) и язык (§ 34) как необходимые составляющие бытия-вместе. Между тем как уже в духовных практиках многих традиций — йоги, буддизма, даосизма, исихазма и других — была представлена онтология тела, в которой оно являлось предметом «осмотра» и «вслушивания», вызванными потребностями разного рода практик, включая оздоровительную.

В настоящее время переосмысление найденного в духовных практиках представляется перспективным на основе

хайдеггеровской онтологии. Уже его начальные феноменологические исследования были обращены к проблематизации фактического жизненного опыта как дотеоретического и дорационального опыта, характеризующегося временностью как таковою. В отличие от Гуссерля его интересует не только действия сообщаемости в научном сообществе, а эти действия во всем объеме человеческого бытия. В «Феноменологических интерпретациях Аристотеля» он подчеркивал, что предметом его философского исследования является *человеческое бытие*. Это основное направление философского вопрошания следует понимать «как эксплицитное схватывание глубинного движения самой фактической жизни, которая есть таким способом, что она в конкретном временении (*Zeitigung*) своего бытия озабочена своим бытием, и которая есть также и там, где она избегает самой себя»¹. Фактическая жизнь является для самой себя тяжелым бременем и потому в ней обнаруживается тенденция к намеренному облегчению себя. «Фактическое человеческое бытие есть то, что оно есть, всегда только как целиком свое собственное, не как бытие-вообще (*Überhauptdasein*) какого-то человечества вообще, для которого забота может быть лишь призрачным призыванием (*Auftrag*)»².

Хайдеггер не случайно использует понятие фактической жизни, как раз в силу многозначности понятия жизни: «термин ζωή, *vita*, означает основной феномен, в котором центрируются древнегреческая, ветхозаветная, новозаветная христианская и греко-христианская интерпретации человеческого бытия»³. И далее немецкий мыслитель отмечает, что основным смыслом подвижности фактической жизни является за-

---

¹ Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтического опыта). СПб.: Гуманитарная академия, 2012. С. 50.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 56.

ботливость. «В обращенной, заботящейся “нацеленности-на” (“Aussein auf etwas”), в этом на-что (Worauf) жизненной заботы данный мир здесь, присутствует. Подвижность заботливости имеет характер *обхождения* (Umgang) фактической жизни со своим миром. Это на-что заботы есть с-чем (Womit) обхождения. Смысл действительного бытия (Wirklichsein) мира и здесь-бытия (Dasein) мира основывается и определяется через характер мира как с-чем заботящегося обхождения»¹. И мир поэтому у Хайдеггера артикулируется согласно возможным направлениям заботливости как окружающей-мир (Umwelt), совместный-мир (Mitwelt) и мир-самого-себя (Selbwelt). Заботливость соответственно есть забота о средствах к жизни, о профессии, забота о наслаждении, забота о том, чтобы не погибнуть, о том, что знакомо и привычно, забота о знании, забота о том, чтобы закрепить жизнь в ее конечных целях. Подвижность озабоченного устройства включает орудование, заготавливание, изготовление, обеспечивание сохранности, освоение и использование, овладение, сохранение и упущение.

«Заботливость состоит в осмотрительности, и — как обзорное усмотрение — в то же время озабочена образованием обзорности, сохранением и усилением близости с предметом обращения. С-чем обхождения заранее схвачено в обзорном усмотрении как..., сориентировано на..., истолковано как... Предметное наличествует (ist da) как означающее то-то и то-то, мир выходит навстречу в характере *значимости* (Bedeutsamkeit)»². Смотрение-на, по Хайдеггеру, совершается как всматривающееся, обращающееся и обсуждающее определение и организовывает себя в качестве науки. Наука есть следствие озабоченного обхождения с миром, происходящее из фактической жизни и для фактической жизни. «Осмотрительность совершается способом *обращения* (Ansprechen)

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 59.

и *обсуждения* (Besprechen) предметности обхождения. Мир встречается постольку, поскольку с ним заговаривают и постольку он сам требует обращения к себе (λόγος)¹.

Ситуация фактической жизни обозначает, в отличие от состояния (Lager), захват места жизни (Standnahme des Lebens), который приведен к прозрачности в качестве падающего и схвачен в данной конкретной обеспокоенности (Bekummerung) в качестве возможного движения, противодействующего падающей заботливости. Склонность к «падению», согласно Хайдеггеру, выступает причиной того, что фактическая жизнь отдельного человека подвергается усреднению и со временем превращается в жизнь «людей» вообще (das man). В усредненности жизнь скрывает себя от себя самой. Смерть, которая предстает человеку как всегда нечто наличное со свойственной ей способностью выявлять смыслы настоящего и прошлого (историческое), «в качестве конститутивного момента фактичности есть в то же время такой феномен, из которого следует эксплицитно выводить специфическую временность человеческого бытия»². Исходя из этой временности определяется, по Хайдеггеру, основной смысл исторического, но ни в коем случае не в формальных анализах исторического описания.

Бытие, доступное самому себе в фактической жизни, Хайдеггер обозначает в качестве экзистенции. «Возможность экзистенции есть всегда именно возможность конкретной фактичности в качестве модуса как временения фактичности в ее временности»³. Идея человеческого бытия в европейской традиции, по Хайдеггеру, основывается на «Физике», «Психологии» и «Этике» Аристотеля, в которых отмечалась примордиальная связь между онтологией и логикой. У Аристо-

¹ Там же. С. 61.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 78.

теля бытие — «есть <поле> *изготовленных*, используемых в обхождении предметов»¹, а не схваченных теоретически вещей, но мир, встречающийся в изготавливающем, исполняющем и использующем обхождении. Бытие означает бытие изготовленным. При этом всматривающееся постижение эксплицируется, согласно Хайдеггеру, в обращении и обсуждении (λέγειν). Спрошенное «что» предмета (λόγος) и его облик (εἶδος) определенным образом есть одно и то же.

Поэтому сообщаемость нельзя понимать как обмен «значениями» или «смыслами» в семиотическом смысле. Поскольку взаимодействие людей захватывает их во всем теле, месте и интересующем их положении вещей. По Хайдеггеру, вещи, которые окружают нас, предстают перед нами не просто в качестве объектов с какими-то свойствами, но в качестве подручных средств. То есть вещи существуют для человека еще до всяких своих «значений». Подручность предполагает то, что находится под рукой нашего тела, то, что дано в употреблении и что мы можем проективно использовать. В знаке он также видит подручное средство, которое способствует связи между людьми и ориентированию в мире их отношений. В «Бытии и времени» в параграфе 17 «Отсылание и знак» он отмечает, что знаки ближайшим образом суть средства, чей специфический характер состоит в *указывании*. Таковыми являются дорожные указатели, межевые камни, сигналы, знамена и подобное. Указание можно определить как вид отсылания. Отношение между знаком и отсыланием трояко: «1) Указывание как возможная конкретизация д л я - ч е г о - г о д н о с т и ф у н д и р о в а н о в с т р у к т у р е с р е д с т в в о о б щ е, в е г о д л я - т о г о - ч т о б ы (отсылании). 2) Знаковое указывание принадлежит как черта подручного средства к целому средств, к взаимосвязи отсыланий. 3) Знак не только подручен рядом с другими

¹ Там же. С. 105.

средствами, но в его подручности всякий раз делается выражено доступно для усмотрения окружающий мир»¹. Образчиком для знака Хайдеггер выбирает красную поворотную стрелку, устанавливаемую на автомобилях его времени, чье положение всякий раз, к примеру на перекрестке, показывает, какое направление возьмет машина. «Положение стрелки регулируется водителем машины. Этот знак — средство, подручное не только в озабочении (управлении) водителя машины. И с ним не едущие — причем именно они — делают употребление из этого средства, а именно способом уклонения в соответствующую сторону или остановки на месте. Этот знак внутримирно подручен во взаимосвязном целом транспортных средств и правил уличного движения. В качестве средства это средство указывания конституируется отсыланием. Оно имеет характер д л я - т о г о - ч т о б ы , свою определенную полезность, он для указывания»².

Красная поворотная стрелка есть не что иное, как продолжение руки человека, которая указывает другому телу, какое взять направление или где остановиться. Знак служит тому, что одно тело согласует свои действия с другим телом. Тем самым люди достигают взаимопонимания. В дальнейшем Ю. Хабермас, поясняя характер социальной коммуникации, использовал пример с двумя велосипедистами, которые на полном ходу выезжают из-за поворота друг на друга. Их телам, чтобы не разбиться, надлежит найти взаиморасположение относительно друг друга. Коммуникация сводится к тому, чтобы согласовать свои действия во взаиморасположенности.

Экзистенциально-онтологическая фундаментальность языка, по Хайдеггеру, заключена в речи. «Расположенная понятность бытия-в-мире *выговаривает себя как речь*. Значимое целое понятности *берет слово*. К значениям прирастают

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 82.

² Там же. С. 78.

слова. Но не слововещи снабжаются значениями»¹. Речь понимается из совместного характера бытия людей. Речь есть «членение понятности бытия-в-мире», к которому принадлежит событие, которое держится определенного «озаботившегося бытия-друг-с-другом». «Последнее есть речь как со- и разногласие, понуждение, предупреждение, выговаривание, обговаривание, уговаривание, далее как „формирование высказываний“ и как говорение по способу „держания речи“. Речь есть речь о...»². «О - ч е м речи» (обговариваемое) обеспечивает сообщаемость. В сообщаемости конституируется артикуляция понимающего бытия-друг-с-другом. Хайдеггер подчеркивает, что «сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживания, например мнений и желаний, из глубины одного субъекта в глубины другого. Соприсутствие по сути уже очевидно в сонастроенности и в сопонимании»³. «Сущность языка» не выводится из идей «выражения», «символической формы», «высказывания», она выводится из сообщаемости людей в совместном способе бытия.

Сообщаемость невозможна без «слышания». Мы не случайно говорим, когда что-то не расслышали, что не поняли. «Прислушивание к... — отмечает Хайдеггер, — есть экзистенциальная открытость присутствия как событие для других»⁴. В слышании-друг-друга складывается событие, которому в такой же мере принадлежат неслышание, противоречия, упрямства и т. п. К слышанию примыкает прислушивание, оно равным образом обращено как внутрь тела, к его состояниям, так и к окружающим человека шумам. Мы никогда не слышим просто шумы, но слышим скрипящую телегу, мотоцикл, колонну на марше, стук дятла, потрескивание огня, биение серд-

¹ Там же. С. 161.

² Там же.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 163.

ца. В западной традиции складывается приоритетное положение «видения» над «слышанием». У Хайдеггера есть указание на Августина, который едва ли не первый констатирует преимущество «видения», мы не случайно говорим: «смотри как это звенит, смотри как оно пахнет, смотри как вкусно, смотри какое твердое»¹.

Между тем рационально ориентируемая философия европейцев создала свою метафизику тела. У Л. Фейербаха мы читаем: «то, что выше всего расположено в пространстве, является также самым возвышенным в человеке, тем, что для него ближе всего, тем, что невозможно от него отделить — его *головой*. Если я вижу голову человека, то я вижу его самого, если же вижу его туловище, то я не вижу ничего более его туловища»². Насколько с этим можно согласиться? Не содержит ли данное суждение типично Западное отношение к телу как к чему-то неизменному, с определенной разметкой «высоты» и «низа» тела? Не говорит ли Восток нам значительно больше, предлагая «чтение» тела или «вслушивание» в него в своих оздоровительных практиках? Тело может свидетельствовать о каких-либо заболеваниях. Действительно, болезнь — это недуг что духа, что тела. Об этом говорили с древнейших времен, и мы находим эту мысль в описаниях самых разных духовных практик. Это положение заложило некую первичную матрицу для понимания сути заболевания. В христианстве об этом писали Святые Отцы. Прп. Серафим Саровский говорил: «Здоровье есть дар Божий, но не всегда бывает полезен этот дар: как и всякое страдание, болезнь имеет силу очищать нас от душевной скверны, заглаживать грехи, смирить и смягчить нашу душу, заставлять одуматься, сознавать

¹ Там же. С. 171.

² Цит. по: *Деррида Ж.* Насилие и метафизика. Эссе о мысли Эммануэля Левинаса / Пер. А. В. Ямпольской. URL: <http://iampolsk.narod.ru/VM1.htm> (дата обращения: 15.09.2015).

свою немощь и вспоминать о Боге. Поэтому болезни нужны и нам и нашим детям»¹.

Индийский гуру и философ Свами Шивананда, опираясь на древнюю традицию йоги, пишет о том, что все хронические, длительные и функциональные болезни и расстройства неизбежно проистекают из нарушений, происходящих в механизме работы тканей и органов: «Болезнь — это результат нарушения законов природы. Природа хочет, чтобы все были сильными и здоровыми. Если вы слабы, это указывает на то, что ваши органы или различные клетки вашего тела функционируют неправильно»². Единственный правильный способ лечения тот, который исходит из первопричины заболевания и направляет все силы на восстановление нормальной работы всей системы. «Природа выполняет всю работу сама. Лекарства только помогают природе в ее восстановительной, регенерирующей работе»³.

Первичными причинами заболеваний, по Шивананде, могут являться плохие мысли, и если эти причины разрушить, то все болезни тела исчезают. Психические заболевания зачастую вызываются возбуждениями. Необходимо избегать возбуждений, ибо когда тело возбуждено, тогда вещи воспринимаются в искаженном свете, и прана (энергия), наполняющая наше тело, подвергается искажению, начинает неравномерно проистекать по всему телу. Таким образом, заключает Шивананда, по причине болезни духа возникают болезни тела. Отсюда и его отношение к целительной силе чтения мантр, которые являются, если сказать коротко, символическим способом саморегуляции человеческого тела, подобно тому, как действует молитва в христианской традиции.

---

¹ Цит. по: Православный лечебник. Владимир: Храм Казанской Иконы Божией Матери, 2007. С. 106.

² Шивананда С. Домашняя йога. Облегченный курс физической культуры для современных мужчин и женщин. Киев: Ника-Центр, 2003. С. 62.

³ Там же.

Если говорить топологически, болезнь или патология случаются в *со-стоянии* перехода от Собственного к Другому. Переход — это состояние предела или излома прежнего состояния. *За-болевание* — это *на-хождение* на излучине, в разлуке со своим телом, которое претерпевает преувеличенное воздействие Другим. Чтобы удержаться в себе, наше тело *при-творяется* больным, симулируя и артикулируя те или иные «*свои с Другим*» состояния. Но что значит *при-творяться* как ни творить что-то в *со-бытии* перехода или передела! Тело испытывает боль в напряжениях с Другим (быть с Другим уже больно, поскольку оно — другое), но возникает *за-болевание* (то есть восхождение «за» боль), когда какое-то Другое преувеличенно пребывает с моим Собственным, подавляя органы или энергетические каналы.

Духовные практики во все времена способствовали оздоровлению людей, учили «всматриваться» и «вслушиваться» в тело. Они несли в себе способность систематически перестраивать восприятия и *со-стояния* своего тела, менять *со-знание*, тем самым делая организм «здоровым», продвигая его от отрицательных состояний к положительным, а точнее продвигая его к сбалансированному «*себя с Другим*» состоянию. В настоящее время эту функцию во многом стали выполнять психотехники. Они благотворно воздействуют на состояние «совместности» в теле, представляющее собой подвижное конфигурирование ее составляющих элементов. Если же возникает остановка, застой, то порождается боль как признак заболевания. Боль есть проявление «обездвиженности», застоя энергии в каких-то местах телесной совместности, элементы которой могут сосуществовать только во взаимном движении друг к другу, как реализация и осуществление энергии тела. Боль есть первый знак заболевания, который способен сообщать о деформированности в течении энергии в теле. «Вслушиваясь» в тело, мы чувствуем его недомогания. Одно-

временно с этим тело обладает способностью «показывать» преувеличенное присутствие Другого через, например, покраснения или опухоль. Осмотрительность и слышание — это действительно первейшие способы связи человека с миром, они позволяют ему ориентироваться в нем, что-то менять в своей жизни, приближая его к собственному телу.

С другой стороны, в современности мы наблюдаем появление некоей системы «всевидения» и «всеслышания», обеспечиваемые электронными технологиями. Власть, как ей представляется, берется оснастить себя эффективными средствами управления, но на деле происходит отчуждение от власти. Желая сделать все прозрачным посредством системы «всевидения» и «всеслышания», власть сама со всей своей тягой к зашифрованности оказывается поднадзорной. И более того, Интернет практически совершает замещение различных государственных структур — почты, банка, правительства и проч. Этот процесс совершается в виртуальном пространстве, ставя людей в двойственное положение, в состояние социальной шизофрении. Интернет подводит к тому, чтобы совершалось замещение власти посредством интернет-пространства. Но власть не может отказаться от самой себя, и потому сообщаемость с «народом» претерпевает деформацию. Можно сказать, что мир воображаемого власти приводит коммуникацию в противоречие с миром воображаемого «народа». Нереализованность желания «народа» совпадает с нереализованностью желания власти. Налицо социальная патология, род социальной виртуальной сообщаемости с различными нарушениями и «видения», и «слышания».